

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

©2020 В.К. ЧЕРНУСЬ

«ОНТОЛОГИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ» В ФИЛОСОФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

Чернусь Владимир Константинович — магистр философии, соискатель.

Национальный исследовательский университет — «Высшая школа экономики».

101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

E-mail: vlchernus@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возникновением предпосылок в современном дискурсе для элиминирования «Я-субъекта» из жизненной картины мира. Ставится под сомнение наличие «Я-субъекта» как носителя свободы воли. Ответом на этот вызов может являться обоснование существования «Я-субъекта». На примере философии Бердяева показывается возможность «онтологизации сознания», под которой понимается обретение сознанием своего подлинного «Я», становление экзистенции «Я-субъекта», сохраняющего свободу воли. Рассматриваются различные пути «онтологизации сознания»: посредством «трансцендентальной редукции», культуры, творчества и духовной жизни. Делается предположение о невозможности «онтологизации сознания» посредством «трансцендентальной редукции» и культуры. Допускается возможность частичной онтологизации посредством творчества. «Онтологизация сознания» достигается в духовной жизни. Катализатором которой служит экзистенциальный опыт одиночества и отчаяния. Делается вывод о том, что сознание в рамках философии Бердяева является потенциальностью. Истинный путь его актуализации тождественен его «онтологизации».

Ключевые слова: Гуссерль, Н.А. Бердяев, «онтологизация сознания», «трансцендентальная редукция», культура, творчество, свобода.

Ссылка для цитирования: Чернущ В.К. «Онтологизация сознания» в философии Н.А. Бердяева // Человек. 2020. Т. 31, № 1. С. 86–102. DOI: 10.31857/S023620070008746-7

В.К. Чернущ
«Онтологизация
сознания»
в философии
Н.А. Бердяева

В современном дискурсе ставится под сомнение наличие единого и неделимого «Я» как квинтэссенции сознания. Причины поведения связываются не со свободой выбора, а с биологическими процессами, происходящими внутри организма. Человеческие действия могут быть детерминированным или случайным, но не свободными [25, с. 334]. Следовательно, на них можно повлиять извне, заставить принять то или иное решение. Сейчас появляются технологии, способные влиять на свободу выбора. Философская проблематика состоит в том, что если удастся подчинить извне человеческое поведение, тогда будет элиминирован субъект, наделенный свободой воли, из жизненной картины мира.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы показать, что влиянию и детерминированию может быть подвергнуто только «психологическое Я», которое, согласно Бердяеву, не является «подлинным Я». Процесс обретения сознанием своего «подлинного Я» называется «онтологизацией сознания». Исследование также ставит задачу ответа на вопрос о природе сознания в рамках философии Бердяева.

По мнению Бердяева, средне-нормальное сознание объективировано, оно призвано приспособить человека к условиям существования в феноменальном мире. Иллюзии сознания позволяют компенсировать человеку трагизм и несовершенство мира объектов. Под иллюзиями сознания возможно понимать наделение экзистенциальным смыслом феноменального мира.

Объективированное сознание играет видимую активную роль — объективирует все вокруг себя, но, в сущности, оно пассивно, так как зависит от феноменального мира. Из этой зависимости следует детерминация человека и его несвобода в мире объектов. Объективированное сознание делает человека рабом бытия, но при этом создает ложную иллюзию обратного. Бердяев пишет, что объективированное сознание определяется социальной обыденностью (17, с. 95).

Философ уделяет внимание поискам выхода сознания из отчужденного состояния. Таким выходом может стать страдание. Оно является необходимой и неотъемлемой частью духовной жизни. Страдание сигнализирует о том, что человек жив и в нем жива духовная составляющая, хотя она и пребывает в угнетенном

[28, с. 74] указывает на то, что экзистенциалисты, в частности Сартр, заимствуют метод трансцендентальной редукции Гуссерля, но при этом не приходят к «чистому Я», но к потоку безличного сознания, что фактически отрицает саму идею экзистенции. Поздние идеи Гуссерля о «трансцендентальном Я» более близки к идеям Кьеркегора с его идеей поиска истины в самом субъекте. Но здесь можно не согласиться с исследователем, так как в рамках философии Кьеркегора, возможно предположить, что личность (субъект) будет иметь содержание, поскольку состоит в отношениях с Богом, и его существование онтологично (укоренено в бытии). Кьеркегор преследует онтологические цели, тогда как поздний Гуссерль — гносеологические. Нельзя провести четкую линию демаркации между онтологией и гносеологией в данном контексте, так как субъект Кьеркегора не только существует, но и познает Бога, а «чистое Я» Гуссерля не только является исходной точкой интенциональности, но существует. Мыслители преследуют разные цели. Так «чистое Я» Гуссерля является с одной стороны, исходной точкой интенциональности, с другой, — конечной целью эпистемологической системы, являясь ее центральным ядром. «Чистое Я» Гуссерля не имеет содержания, так как, если бы оно его имело, то не было бы ни единым, ни чистым. Даже если мы придем к нему посредством «трансцендентальной редукции», то придем к формальной абстракции.

«Трансцендентальное Я» Гуссерля не имеет содержания, являясь отправной точкой интенциональности, тогда как «онтологизированное Я» Бердяева как раз наоборот приобретает свое содержание в процессе «онтологизации». Бердяев был знаком с концепцией Гуссерля и высказывался о ней довольно скептически: «Сколько бы ни пытались Коген и Гуссерль придать познанию характер трансцендентный человеку и освободить познание от всякого антропологизма, эти попытки всегда будут производить впечатление поднятия себя за волосы вверх. Человек предшествует философии, человек — предпосылка всякого философского познания» (14, с. 48).

Сартр предпринимает попытку прийти к «подлинному Я» посредством «трансцендентальной редукции». В «Бытии и ничто» он пишет, что взгляд *другого* объективирует меня, превращает меня из неопределенного в свободный субъект (23, 1, IV). Это можно проинтерпретировать как то, что моя субъективность и субъективность *другого* рождается во взаимной интенциональности. Для исследователя Сартра Эммануэля Левинаса *другой* — это не объективирующий взгляд, но тот, кто вопрошает твое «Я». Само по себе вопрошание безусловно, оно призывает меня к ответственности (См.: 27). Левинас полностью переосмысливает

В.К. Чернусь
«Онтологизация
сознания»
в философии
Н.А. Бердяева

Если в феноменологии понятие «ноэзиса» необходимо для того, чтобы отличать его от «ноэмы» (мысленном представлении о предмете), и в конечном итоге посредством «трансцендентальной редукции», различая ноэтический и нозисные слои сознания прийти к «чистому Я», то в философии Бердяева этот процесс будет называться началом «духовной жизни», в которой вместо «ноэтических» и «ноэзисных» слоев, сознание раскроет свое «подлинное Я», актуализирует потенциальную имманентную свободу.

Сознание, согласно Бердяеву, избавившись от своего «объективированного Я» непостижимым образом приобретает себя, самосознает себя в диалоге с Богом. Следовательно, можно прийти к выводу, о том, что сознание не сводится к «психологическому Я», что «объективированное Я», — фасад сознания, которое мы ассоциируем со своим «подлинным Я».

Бердяев считал, что, избавившись от психологического слоя «Я», Гуссерль приходит к рациональной метафизике с идеей познания через понятие: «Для того, чтобы познавать предмет согласно феноменологической установке, нужно совершенно отречься от человеческого, прийти в состояние совершенной пассивности, дать возможность самому предмету, самой сущности говорить во мне. Человек должен перестать существовать в акте познания. Познание происходит в сфере идеального логического бытия, а не в человеческой сфере» (10, с. 39).

У Гуссерля «психологическое Я» не является исходной точкой интенциональности, но слоем сознания, от которого необходимо избавиться для того, чтобы с одной стороны прийти к «трансцендентальному Я», с другой, — к чистому познанию. В философии же Бердяева «объективированное Я» является исходной точкой интенциональности из-за «объективации». Как было сказано выше, проблема заключается в том, что оно может быть детерминировано извне, что ставит под сомнение культурную ценность субъекта как носителя свободы воли. Размышляя в рамках философии Бердяева возможно предположить, что по мере «онтологизации сознания» будет смещаться исходная точка интенциональности с «объективированного Я» на «подлинное Я». Также будет смещаться и предмет направленности сознания, — с «мира объектов» на ноуменальный мир, на Бога, который раскрывается «подлинному Я» как абсолютный субъект.

Разочарование сознания в «мире объектов», а также опыт отчаяния и одиночества будут служить катализатором начала процесса «онтологизации сознания». Но существует возможность «онтологизации сознания» посредством культуры и творчества. Рассмотрим сначала эти пути.

знает Россия. Наше национальное самосознание все еще смутно и хаотично, и потому не всегда оно отличает сверхкультурную правду России от докультурного хаоса России. Историческая задача русского самосознания — различить и разделить русскую сверхкультурность и русскую докультурность, логос кризиса культуры на русских вершинах и дикий хаос в русских низах» [14, с. 284].

Бердяев остро переживает «кризис культуры», он был убежден: культура угасает. Философу была дорога «осенняя культура» начала XX века. Бердяев пишет, что культурное возрождение невозможно по возрасту мира [18, с. 218]. Культура переходит в цивилизацию, и это фатальный процесс. Несмотря на то, что культура, символична и имеет в себе символы Духа и идеального бытия, она принадлежит царству кесаря, и поэтому неизбежно подвержена упрощению, объективации и трансформации в цивилизацию. Причины «кризиса культуры» трансцендентальны. Они лежат в самой структуре феноменального мира. Поэтому невозможно разрешить «кризис культуры» находясь внутри культуры. Отсюда и невозможность «онтологизации сознания» посредством культуры, поскольку современная Бердяеву культура находится в кризисе, и то сознание будет искать свое «подлинное Я» в ней, то в лучшем случае можно будет получить декадентское сознание творцов культуры Серебряного Века.

Сама культура нуждается в «онтологизации». Наиболее полно эту проблему пытается разрешить Франк, включая «онтологию культуры» в свою философскую систему.

«Онтология культуры» С.Л. Франка

«Кризис культуры» начала XX века был одним из источников философствования Франка. Согласно его мысли, осознанное существование сознания немислимо за пределами культуры [24, с. 49]. Идея культуры важна для него еще и с гносеологической точки зрения, так как вне культуры невозможно никакое познание, никакая гносеология [там же, с. 53].

Причину краха европейской культуры Франк видит в том, что она отказывается погружаться в бытие как свое трансцендентное основание, предпочитая самостоятельный путь, укорененный исключительно в сознании. Культура выдвинула на первый план внетрансцендентные ценности, полагая что источником ее дальнейшего развития будут имманентные силы. Для философа этот процесс будет носить характер отрыва культуры от бытия, абсурдной попыткой стать чем-то своим.

результат творчества. Но культура — неудача творчества. В культуре невозможно достичь творческого преобразования бытия. В своем пределе творчество должно выйти за пределы культуры и осуществить иное бытие.

О.А. Жукова [30, с. 276–290] представляет философию творчества Бердяева в качестве «онтологизированной» философии культуры сквозь призму проблемы творчества. На наш взгляд, у Бердяева, в отличие от Франка, нет онтологии культуры. В философии Бердяева культура по своей природе не онтологична, поэтому неизбежно переходит в цивилизацию. Культура — это временное состояние, как само время и история.

По Бердяеву [10, с. 192], в творчестве есть внутренняя и внешняя сторона. Существует первоначальный творческий акт, в котором человек стоит перед лицом Божьим, и есть вторичный творческий акт, в котором он стоит перед лицом людей. Исходя из этого Бердяев формулирует основное положение своей этики [там же, с. 422]: «Поступай так, как будто ты слышишь Божий зов и призван в свободном и творческом акте соучаствовать в Божьем деле, раскрывая в себе чистую и оригинальную совесть, дисциплинируй свою личность, борись со злом в себе и вокруг себя, но не для того, чтобы оттеснять злых и зло в ад и создавать адское царство, а для того чтобы реально победить зло и способствовать просветлению и творческому преобразению злых» [там же, с. 422]. Таким образом творчество носит скорее религиозный, нежели культурный характер. Тема творчества также перекликается с проблематикой свободы. Человек актуализирует свою потенциальную имманентную свободу в творчестве, и только свободный человек может творить. Эволюция рождается из необходимости, а творчество из свободы [14, с. 130].

Несмотря на то, что творчество и его продукты подвергаются неизбежной объективации, творчество — это надежда на то, что мир объективации может быть разрушен творческим усилием человека. В книге «Дух и реальность» [4, с. 376] Бердяев пишет, что такое возможно только если в творческом усилии человека будет действовать и Бог. Следовательно, творчество может служить одним из источников духовной жизни. Проблему творчества и духовной жизни философ затрагивает в книге «Дух и реальность» [там же, с. 355]. Духовная жизнь — всегда творчество, так как признаком духа всегда является активность и свобода. В творчестве раскрывается дух, обнаруживается его творческая экзистенция. Более того, дух есть единственный источник творчества [10, с. 233]. Дух актуализирует себя в творчестве, следовательно, духовная жизнь всегда предполагает творчество, и во всяком творческом акте есть элемент изначальной свободы. Таким образом

В.К. Чернусь
«Онтологизация
сознания»
в философии
Н.А. Бердяева

свобода, которая жаждет актуализации, у которой отношения между «объективированным Я» и миром объектов вызывают тошноту, чувство абсурдности и бессмысленности. Подобный экзистенциальный опыт является предметом романов Сартра и Камю. Этот опыт является чаще всего иррациональным и бессознательным, так как «объективированное Я» на рациональном уровне не видит абсурдности «мира объектов», но ощущает его.

Так возникает проблема одиночества сознания в мире объектов [17, с. 136]: «“Я” перед объектом, перед всяким объектом, как бы оно ни было с ним связано, всегда одиноко. Это основная истина». *Одиночество есть тоска «по общению не с объектом, а с другим ты, с мы»*. Этим другим не может стать для меня ни один объект. Ошибочно предполагать, что одиночество преодолимо в обществе. В обществе мое «Я» другие люди воспринимают как объект, и я воспринимаю других людей как объект. В обществе преобладают объектные отношения. Для Бердяева феноменальный мир, где существует общество, враждебно субъектным отношениям, которые будут лишь трагическим исключением. Поэтому истинная любовь почти всегда трагична.

Лишь немногие люди осознают свое одиночество в феноменальном мире. Большинство направляет свое «объективированное Я» на объект находят смысл жизни и ценность в таких отношениях. В этом находится основание идеи Бердяева, того что человек религиозен по своей сути, если он перестает поклоняться Богу, то он будет поклоняться вещам [5, с. 91; 2, с. 281]. Под религиозностью здесь можно понимать саму структуру интенционального акта.

Вкладывая смысл в мир объектов, «объективированное Я» в пределе может стать «интендирующим объектом». Отсюда и заповедь, знакомая еще с Ветхого Завета: «Да не будет у тебя иных богов перед лицом моим» (Ис. 20:3). Но это не означает, что нужно совершенно отречься от феноменального мира. Мир продолжает твориться, и человек призван к творческому и культурному преобразению мира, но подлинное преобразование возможно только на духовной основе после того, как сознание найдет свое «подлинное Я».

Тот, кто осознает свое одиночество и тоску по субъектным отношениям, обречен на страдание. В этих страданиях рождается «подлинное Я». Причиной страдания является интенциональность. «Объективированное Я» ощущает абсурдность объектных отношений, экзистенциальная тоска («божественная искра») заставляет искать другое «Я», обращаться к другим людям с экзистенциальным призывом, но нигде не находит ответ. Это тяжелое испытание для психики.

В.К. Чернусь
«Онтологизация
сознания»
в философии
Н.А. Бердяева

«объективированное (психологическое) Я» и потенциально «подлинное Я». Существуют ложные и истинные пути актуализации сознания.

Ложные пути будут находиться вокруг «психологического Я». В силу природы своей интенциональности его актуализация будет находиться в плоскости объективации, рациональности, наделении смыслом и ценностью объектов. Поскольку «психологическое Я» не имеет содержания, оно будет стремиться к его обретению посредством обладания объектами. Также поскольку «психологическое Я» является фасадом сознания, то попытку его становления сущим возможно проинтерпретировать как попытку трансформации предиката в субъект. Скорее всего это приведет к трансформации «психологического Я» в «интендирующий объект», доступный для манипулирования и детерминации, и о свободе воли которого не может быть и речи.

Истинный путь тождественен «онтологизации сознания». «Объективированное Я», пройдя через экзистенциальный опыт и, ощутив абсурдность мира объектов, меняет предмет своей интенциональности, раскрывая при этом свое «подлинное Я», как актуализацию потенциальной имманентной свободы (божественная искра!). «Психологическое Я» при этом не исчезает, но становится подчиненным «подлинному Я».

Становление «подлинного Я» будет происходить по мере приобретения им своего содержания, которое будет достигаться в субъект-субъектных отношениях с Богом. По мере «онтологизации сознания» будет смещаться исходная точка интенциональности от «психологического» к «подлинному Я», а также предмет интенциональности, — с «мира объектов» на «царство духа» (субъектный мир).

Взгляды Бердяева относительно природы сознания, объективации и культуры менялись со временем. Критическим замечанием к его философии может быть аргумент о том, что она слишком «субъективна», предполагает «онтологизацию» индивидуального сознания, но не общечеловеческую позитивную программу. Поэтому ее дополнением может служить философия Франка, который стремился к параллельной «онтологизации» индивидуального сознания и культуры.

Литература

1. Бердяев Н.А. Духовный кризис русской интеллигенции. Большая Россия. М.: Канон+. 1998.
2. Бердяев Н.А. Судьба России // Душа России. М.: Фолио, 2004.
3. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре. https://studopedia.ru/6_126558_berdyayev-na-volya-k-zhizni-i-volya-k-kulture.html

В.К. Чернущь
«Онтологизация
сознания»
в философии
Н.А. Бердяева

E-mail: vlchernus@mail.ru

Abstract. The relevance of the issue considered in the article has been related to emergence of conditions for elimination of 'Self/Subject' from modern discourse and questioning the Self's capacity to free will. On the basis of Nikolaj Berdyaev's philosophy the author intends to demonstrate the possibility of 'ontologization of consciousness', which has been associated with gaining awareness of the authentic Self and the becoming of the existence of 'Self/Subject' that preserves the freedom of the will. Due to the analysis of different ways of 'ontologization of consciousness' the author comes to a conclusion that it is hardly possible through 'transcendental reduction' and culture, partially possible through creativity, and fully possible through spiritual life, which may be intensified by the person's loneliness and despair. The article may be helpful in further studies in the field of Russian religious and existential philosophy, and the ontology of consciousness.

Keywords: Husserl, N.A. Berdyaev, "ontology of consciousness", "transcendental reduction," culture, creativity, freedom.

For citation: Chernus V.K. "Ontologization of Consciousness" in N. A. Berdyaev's Philosophy // *Chelovek*. 2020. Vol. 31, N 1. P. 86–102. DOI: 10.31857/S023620070008746-7

References

1. Berdyaev N.A. *Duxovny`j krizis russoj intelligencii. Bol`naya Rossiya* [The spiritual crisis of the Russian intelligentsia. Sick Russia]. Moscow: OI «Reabilitaciya» Publ., 1998.
2. Berdyaev N.A. *Sud`ba Rossii. Dusha Rossii* [Destiny of Russia. Soul of Russia]. Moscow: Folio Publ., 2004.
3. Berdyaev N.A. *Volya k zhizni i volya k kul`ture* [The will to live and the will to culture]. https://studopedia.ru/6_126558_Berdyaev-Na-Volya-K-Zhizni-I-Volya-K-Kulture.Html
4. Berdyaev N.A. *Dux i real`nost`* [Spirit and reality]. Moscow: AST Publ., 2004.
5. Berdyaev N.A. *Duxovny`j krizis russoj intelligencii intelligencii. Bol`naya Rossiya* [Spiritual crisis of the Russian intelligentsia. Sick Russia]. Moscow: OI «Rehabilitation» Publ., 1998.
6. Berdyaev N.A. *Istina i otkroveniye. Prolegomeny k kritike Otkroveniya* [Truth and revelation. Prolegomena to the criticism of Revelation]. St. Petersburg: Russian Christian humanitarian Institute Publ., 1996.
7. Berdyaev N.A. *Mirosozertsaniye Dostoyevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Moscow: AST Publ., 2004.
8. Berdyaev N.A. *Moyo filosofskoye mirosozertsaniye* [My philosophical Outlook]. N.A. Berdyaev: pro et contra. Vol.1. St. Petersburg: Russian Christian humanitarian Institute Publ., 1994.
9. Berdyaev N.A. *Na poroge novoj e`poxi. Sartr i sud`ba e`kzistencializma* [On the threshold of a new era // Sartre and the fate of existentialism]. St. Petersburg: Russian Christian humanitarian Institute Publ., 1996.
10. Berdyaev N.A. *O naznachanii cheloveka. Opy`t paradoksal`noj e`tiki* [The destiny of man. The experience of paradoxical ethics]. Moscow: AST Publ., 2003.

В.К. Чернусь
«Онтологизация
сознания»
в философии
Н.А. Бердяева

